

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ КНИЖНИКА СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА

О писателе и книжнике XVII в. Сергии Шелонине долгое время было известно только из статьи казанского профессора П. В. Знаменского, напечатанной в 1882 г. в «Православном обозрении», где он представлен как плодовитый соловецкий редактор-переписчик и автор двух малоизвестных сочинений: Сказания о чудесах Иоанна и Логгина Яренгских и Слова похвального на перенесение мощей митрополита Филиппа (Колычева). В последние два десятилетия, когда историки, филологи, лингвисты обратились к творчеству Сергия, стало очевидно, что представление о культуре середины XVII в. не будет полным без изучения деятельности этого выдающегося книжника. К настоящему моменту Сергей известен как автор 14 сочинений, редактор объемных сводов энциклопедического характера, вкладчик 37 рукописных и 18 печатных книг в Соловецкую библиотеку. Однако биография соловецкого старца еще не была предметом специального исследования, более того, известные из сочинений самого Сергия два факта его жизни очень долго оставались и единственными достоверными свидетельствами о его деятельности. Поэтому представляется весьма важным ввести в научный оборот неизвестные ранее документы. Возможно, все новые сведения, изложенные в данной статье, будут уточнены медиевистами или послужат ориентиром для дальнейших находок, в том числе и в провинциальных, малодоступных или недостаточно изученных архивах и фондах, что необходимо для создания цельного представления о судьбе соловецкого старца Сергия.

Сведения о статусе в миру старца Сергия обнаружила М. В. Кукушкина во Вкладной книге Соловецкого монастыря, где на л. 329 об.—330 находится подробная, сделанная в 1658 г. роспись всех его книжных вкладов в Соловецкую библиотеку. Здесь же находится запись о самом первом вкладе старца Сергия в 1619 г.: «127-го [1619] старец Сергей, а в миру был под(ь)ячей Семен, Михайловъ сынъ, московитин, дал вкладомъ однорядку да седло за 10 рублев, да он же дал за полкельи денег 5 руб-

лев...».¹ Речь идет об обычном вкладе при пострижении в монахи, таким образом стали известны дата пострига Сергия, мирская должность — подьячий и имя отца — Михаил. В записи о книжных вкладах 1658 г. читается имя матери: «Да во 166 (1658) году генваря въ 15 день он же Сергий, бывшей Ипатского монастыря архимарит, дал вкладомъ в дестъ и в полдестъ печатныхъ и писменныхъ 37 книг ценою за 64 рубли и за сто рублей, за ево вклад в литейной и в подстѣнной Сенадики отец ево, Сергиев, — Михайло, — да мати ево — Марфа — написаны в вѣчный помин. Да он же, Сергий, дал вкладомъ по себѣ в вѣчной помин печатных и писменных в дестъ и в полдестъ и в четверть 16 книг, и за тот вклад по смерти написати имя ево, Сергиево, в литийной и в подстѣнной Сенадики без выписки вѣчно».

Незначительные сведения о московском подьячем Семене Михайлове содержатся в приходе-расходной книге Разрядного приказа. Среди получавших жалование в 1617 г. дважды упоминается подьячий «Семейка Михайлов»: за вторую половину 1616 г. он получил оклад в размере «шести с полтиной рублей», а за первую половину 1617 г. — «семь с полтиной».² Уменьшительное «Семейка» свидетельствует, возможно, о юных летах, что говорит в пользу отождествления его с Сергием Шелониным. Вероятно, Семен Михайлов был выходцем из среды приказных людей, поскольку должность подьячего в те времена была почти наследственной.

В вечном Синодике Соловецкого монастыря, в разделе «Роды братские», перечислены имена членов рода некоего «старца Сергия подьячего»; поскольку неизвестны в этот период в Соловецком монастыре другие старцы Сергии с должностью подьячего в миру, то мы считаем, что эта запись относится именно к Сергию Шелонину: «Род старца Сергия подьячего — священноинока Дионисия, священноинока Васияна, Михаила, инока Сергия, Григория, Стефана, Василия, иноку Ираиду, иноку Агафию, Диомида, Симеона, Иванна, иноку Евпраксию, княгиню Марию, Иванна, Татиану, Соломанию, Евдокию, Елену, Афонасия, Татиану, Михаила».³ Обращает на себя внимание отсутствие имени матери — Марфы: возможно, это ошибка писца (случайный пропуск), или же в список внесли имена только умерших родственников, а мать была еще жива. Таким образом, если эта запись действительно относится к нашему книжнику, то можно говорить о том, что в

¹ Архив СПб. ФИРИ РАН, кол. акт. кн. 2, № 152, л. 329 об.; цитата частично приведена в книге: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977. С. 99.

² РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 527, 569; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 342.

³ ГМИР, кол. 3, оп. 1, д. 392, л. 41 об. (последнее имя вписано другими чернилами). Этот Синодик мало известен, но, несомненно, он является важным источником по истории Соловецкого монастыря: из записей в нем можно почерпнуть сведения о происхождении иноков монастыря (в некоторых случаях указывается социальный статус родственников).

родственном окружении Сергия было два черных священника и одна княгиня.

О первых годах монашеской жизни Сергия ничего неизвестно. Возможно, его привлекли, благодаря хорошему почерку, к работе с рукописями в «книгописной палате» Соловецкого монастыря, о существовании которой источники определенно говорят начиная с середины XVII в.

При просмотре архива Соловецкого монастыря мы обратили внимание, что в сохранившихся хозяйственных книгах, грамотах и других документах не упоминается старец Сергей «Шелонин». В Соловецком монастыре в годы проживания в нем книжника было несколько старцев Сергиев, у многих из них были постоянные прозвища. Его современниками были: Сергей Псковитин, Сергей Песта, Сергей Шапошник. Эти старцы упоминаются в приходе-расходных книгах монастыря, где тщательно записывались расчеты со всеми иноками. Встречаются в этих книгах и старцы Сергии без указания их прозвищ. В 1621 и 1622 гг. упоминается усольский приказчик старец Сергей,⁴ в 1622 г. — старец Сергей крылошанин,⁵ в 1628 г. — приказчик старец Сергей,⁶ в 1638—1639 гг. платил «старец Сергей на Двине таможенным головам»⁷ и т. д. По сохранившимся документам можно найти за каждый год XVII в. сведения о деятельности старцев Сергиев. Но как их различали в своих отчетах казначеи, келари и ризничие, были ли какие-нибудь «устные» приметы, прозвища у старцев с одним именем, неизвестно. Старца Сергия, известного в наше время как «Шелонин», невозможно идентифицировать по записям в хозяйственных книгах монастыря.

На многих вложенных книжником Сергием рукописях есть библиотечные записи, где их бывший владелец назван Шолониным или Шелоником. Скорее всего, они были сделаны уже после его смерти книгохранителями монастыря при составлении Отводных книг. На первом листе Алфавитного патерика (РНБ, Сол. 652/710) имеются две записи: «Сергия Шелоника» и «Шелоникова». На книге Григория Селунского есть библиотечные записи: «Дача старца Сергия Шелоника» (РНБ, Сол. 88/88, л. 1, то же самое написано скрепой на л. 10—21). В Отводной книге книгохранительной казны за 1666 г. упоминается «книга Алфавит старца Сергея Шелоника» (л. 4).⁸ В Отводной книге книгохранительной казны за 1669 г. упоминаются этот же «Алфавит старца Сергея Шолоника» (л. 3 об.) и «книга Григория Синаита старца Сергея Шолонина» (л. 6 об.).⁹ При жизни книжника на вложенных им рукописях сообщалось, что это вклады «старца Сергия» или «бывшего архимандрита Ипатского» (см. об этом далее).

⁴ РГАДА, ф. 1201 (ф. Соловецкого монастыря), оп. 1, № 224, л. 52 об.—53, 73 об., 83, 116.

⁵ Там же, № 225, л. 7.

⁶ Там же, № 227, л. 209.

⁷ Там же, № 249, л. 24 об.

⁸ Там же, № 488.

⁹ Там же, № 503.

С уверенностью можно говорить, что Сергей знал севернорусское диалектное слово «шелоник» в значении «юго-западный ветер».¹⁰ В списках «Небес» (или «Богословия») Иоанна Дамаскина, принадлежавших книжнику и его сотрудникам, помещены рисунки-чертежи с изображением сторон света и розы ветров, где подписаны их названия (см.: РНБ, Сол. 310/330, л. 55 об.; Сол. 315/335, л. 135; Сол. 314/334, л. 61). В рукописях это изображение названо «Кругом ветреным». Юго-западный ветер подписан: «западъ зимной. Шолоникъ».

Следует отметить, что в списках, которые делались в Соловецком монастыре после смерти Сергея с его «Сказания о яренгских чудотворцах», неизменно помещали название юго-западного ветра — «шелоник» — во фрагмент, где описывается буря, в которую попали соловецкие иноки: «Егда же бысть на морѣ среди губы морския, далече от брега, внезапно дуну вѣтръ яръ от брега, реком шелоникъ» (РНБ, Сол. 182/182, л. 141 об.). Однако в авторизованных списках этого сочинения (правленных самим писателем) слово «шелоник» не встречается.

Н. Н. Розов предположил, что прозвище «Шелонин» происходит от названия реки Шелонь в Новгородчине. Л. А. Дмитриев в качестве второй версии предлагал происхождение этого прозвища от юго-западного расположения Москвы по отношению к Соловкам: так как Сергей был москвичом, то для соловчан являлся как бы «шелонином».¹¹

1 июля 1638 г. в селе Яренга Архангельской епархии были перенесены из часовни в новую церковь Зосимы и Савватия Соловецких мощи новоявленных чудотворцев святых Иоанна и Логгина Яренгских. Перенесение святынь совершила соловецкая братия во главе с игуменом Варфоломеем. Среди участников торжественной процессии находился инок Сергей (Шелонин). Впоследствии им было составлено «Сказание о чудесах святых Иоанна и Логгина Яренгских», где он подробно описал события этого дня. О себе автор сказал следующее: «Повѣдаю же сия азъ, грѣшный священноиеромонахъ, Сергей, чюдеси сему самовидецъ бывъ своими очима, иже и сподобихся мощи святаго Логгина лобзати своими скверными и недостойными устнами. В то же время святительского рукоположения священства, помазания, хиротонии возложения не уподобленъ быхъ, но быхъ Соловецкия обители в преимущих».¹²

Слово «преимуществ» обычно использовалось для лиц, имеющих привилегии.¹³ Что же именно имел в виду Сергей, называя

¹⁰ «Шелоник, шалоник — арх., ол., нвг. и др. — юго-западный ветер, мезенск, паужник; от р. Шелоны. Шалоникъ на морѣ разбойникъ» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1955. Т. 4. С. 619).

¹¹ *Розов Н. Н. Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов*. М., 1980. С. 328; *Дмитриев Л. А., Сапожникова О. С., Чулицева О. В. Сергей // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П—С. С. 343.

¹² РНБ, Сол. 969/1079, л. 156—156 об.

¹³ «Преимущий — превосходящий кого-л. чем-л.» (*Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1992. Вып. 18. С. 240).

себя в числе «преимущих»? Чтобы это выяснить, необходимо обратиться к хозяйственным книгам монастыря. В самых важных финансовых документах монастыря — приходо-расходных книгах иногда встречаются подписи всех соборных старцев и списки членов малого собора. Отчет казначея, как правило, принимался на соборе, и соборные старцы во главе с игуменом и келарем выносили «приговор» деятельности казначея за какой-то промежуток времени (1—5 лет): сошелся или не сошелся приход с расходом. Соборные старцы своими подписями скрепляли отчет — приходо-расходную книгу, поэтому в некоторых случаях можно сопоставить имена старцев, перечисленных в списке монастырского собора, с их подписями. Мы обратили внимание, что полный состав членов малого собора приводится в конце двух приходо-расходных книг: за 1638 и 1639 гг. Среди прочих имен упоминается и некий старец Сергей. Но при этом надо учесть, что отчет казначея старца Паисея за 1638 г. считали в октябре 1639 г., а в январе 1640 г. рассматривался монастырским правлением отчет казначея Иова Девочкина за 1639 г. Т. е. мы располагаем сведениями о составе монастырского собора за небольшой промежуток времени (четыре месяца): октябрь 1639—январь 1640 гг. Приводим состав членов малого собора Соловецкого монастыря по приходо-расходной книге за 1638 г.: «148 (1639) года октября в 3 день келарь Ефрѣм, казначѣй Лаврентей и соборные старцы: Макарей Корнилевской, Прокопей, Иовъ, *Сергей*, Исайя, Левкей Калинин, Иосиф, Василей, Леванид и все соборные старцы в приходе и расходе считали...».¹⁴ Список соборных старцев в 1640 г. (по приходо-расходной книге за 1639 г.): «148 (1640) года генваря в 20 день Соловецкого монастыря старец Исайя Любимец, да казначѣй Лаврентей и соборных старцов Макарей Корнилевской, Исихея, *Сергей*, Ефрѣмъ, Прокопей, Левкъ Калинин, Василей Толмачов, Измайло Боранов, Иосиф, Федор, Иван, Леонид Балакшин и все соборные старцы <...> считали...».¹⁵ Скрепляющие финансовый отчет подписи соборных старцев находятся только в отчете за 1638 г. Скрепка соборного старца Сергея встречается дважды: на л. 10, 11 и на л. 29, 31: «чернецъ Сергей руку приложил» (см. рис. 1). Сопоставление почерка этого соборного старца и известных образцов почерка книжника Сергия Шелонина позволяет утверждать, что они принадлежат одному человеку. По всей видимости, Сергий, называя себя в числе преимущих в 1638 г., имел в виду, что он был соборным старцем.

Более нам не удалось обнаружить имя старца Сергия в составе собора. Но это еще не значит, что Сергий не был соборным старцем в последующие или предыдущие годы. Во-первых, часть приходо-расходных книг не сохранилась (нет их за 1635—1637 гг., 1640—1641 гг). Во-вторых, в большинстве сохранившихся книг не приводится состав собора (его нет в книгах за 1626—

¹⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 239, л. 38 об.

¹⁵ Там же, № 238, л. 30 об.

1635 г., за 1644—1645 гг.). В сохранившихся же книгах за 1645—1646 гг., за 1647 г. имя старца Сергия не встречается среди имен соборных старцев, и это можно объяснить отсутствием книжника в монастыре в это время (см. об этом далее).

Просмотр хозяйственных документов Соловецкого монастыря в составе РГАДА позволил выявить подписанную рукой книжника Сергия «Книгу крепостной службы за 1639 г.».¹⁶ Под крепостной службой подразумевалось хранение собрания «крепостей» (документов), в современном понимании — архив монастыря. Хранители архива регулярно отчитывались за его состояние. Они составляли списки всех имеющихся грамот и хозяйственных книг по рубрикам: государевы грамоты, патриархии грамоты, митрополичьи грамоты, отводные книги игуменские, московских строителей, отчеты приказных старцев за все годы по названиям усюлий и т. д. На л. 1 книги за 1639 г. рукой Шелонина написано название книги: «Книги крепосные службы старца Сергия со 147-го году отводные» (см. рис. 2). Из записи на л. 2—2 об. следует, что он получил на хранение архив монастыря 11 августа 1639 г. от прежнего хранителя Исая Любимца: «Лѣта 7147 августа в 11 день по приговору Соловецкого монастыря келаря старца Ефрѣма Квашнина да казначея старца Паисѣя Дворянинова и всѣх соборных старцов старец Исая Любимецъ переписал въ крѣпосной службѣ у старца Гурья Путимца, что было <...> грамот. А переписал тѣ всякие писмяные дѣла и отвелъ старцу Сергию». Сергей был хранителем архива всего несколько месяцев, так как в феврале 1640 г. по этой же Отводной книге отчитывался уже старец Анфиноген, об этом сообщает запись на л. 1, сделанная чуть ниже надписи Сергия: «От старца Анфиногена отводная крѣпостная служба старцу Илье по тѣм же Сергиевым книгам 148 году февраля в 3 день».

Итак, с уверенностью можно сказать, что Сергей с 1638 по 1640 г. был соборным старцем. В июле 1638 г. при перенесении мощей Иоанна и Логгина он был в «преимущих», в августе 1639 г. он назначен хранителем архива, в октябре этого же года и в начале 1640 г. Сергей упоминается среди соборных старцев. Он занимал достаточно высокое положение и принимал участие в управлении монастырскими делами. Пребывание некоторое время в должности хранителя архива свидетельствует о доверительном отношении к нему малого собора. Монастырь был заинтересован в бережном хранении своего архива и особенно — подлинников жалованных грамот. Хранителем мог быть только образованный и аккуратный человек, который дополнял и систематизировал архив. В случае спора, тяжбы с различными землевладельцами он должен был предоставить грамоты, подтверждающие права Соловецкого монастыря на владение землями, покосами, соляными промыслами, тонями.

¹⁶ Там же, № 37.

Подтверждают эти заключения документы из ОРПГФ ГИКМЗ «МК». В этом хранилище находится большая часть подлинников и копий с грамот, поступивших в Соловецкий монастырь в течение XVI—XVIII вв. В монастыре существовала традиция изготавливать с охранной целью копии с ветхих и ценных грамот. Правление монастыря удостоверяло копию своими «заручными» подписями. Члены правления монастыря подписывались всегда в традиционном порядке: сперва подписывался игумен, затем келарь, потом казначей, и затем уже ставили свои подписи «друг под другом» соборные старцы. На наш взгляд, существует закономерность в последовательности заручных подписей на грамотах: по-видимому, при заверке документов соборными старцами соблюдалась иерархия — первыми подписывались наиболее авторитетные старцы, затем в порядке убывания старшинства (в самом широком смысле) подписывались остальные члены собора. Этот вывод основан на следующем наблюдении: одни и те же лица в определенный период регулярно подписываются только в числе первых или только самыми последними (кардинальное изменение позиций не встречается — ср., например, порядок следования имен старцев в списке собора по приходу-расходным книгам 1639 и 1640 гг. — они почти тождественны). Две копии, сделанные в XVII в. с грамот XVI в., заверены старцем Сергием: ОРПГФ ГИКМЗ «МК», № 18 и 27. Подписи одинаковы и совпадают с упомянутыми выше скрепами соборного старца Сергия на отчете, принятом в 1639 г. (см. рис. 3, 4). Важно, что подпись старца Сергия на обороте обеих грамот стоит последней, — это значит, по нашему мнению, что он был младшим на соборе. К сожалению, на копиях с грамот не стоят даты их создания. По водяным знакам копии можно датировать очень приблизительно — концом 1620-х — началом 1630-х гг. Копия с грамоты 1585 г. (ОРПГФ ГИКМЗ «МК», № 18) написана на бумаге с водяным знаком «кувшинчик одноручный под полумесяцем», типа: *Герасимов*, № 533, 534, 581 — 1626—1631 гг. Копия с грамоты 1590 г. (ОРПГФ ГИКМЗ «МК», № 27) написана на бумаге с филигранью «кувшинчик одноручный под полумесяцем», типа: *Герасимов*, № 497 — 1628—1630 гг.¹⁷

Таким образом получается, что в начале 1630-х гг. Сергей еще не обладал решающим голосом на соборе, а в конце 1630-х гг. был одним из первых на соборе (в двух названных приходу-расходных книгах его имя стоит в списке соборных старцев четвертым и третьим соответственно), когда ему поручили и хранение архива. Возможно, что Сергей использовал термин «преимущий» в значении «соборный старец» или в значении «один из старших на соборе».

Входить в число соборных старцев значило принадлежать к монастырской «аристократии», державшей в своих руках управ-

¹⁷ Благодаря Татьяну Алексеевну Тутову, сотрудницу ОРПГФ ГИКМЗ «МК», которая любезно указала мне на эти важные для данного исследования материалы (копии с грамот датированы Т. А. Тутовой).

ление монастырской вотчиной, систематически чередуясь на виднейших административных постах.¹⁸ Стать соборными старцами могли прежде всего люди зажиточные, которые при поступлении в монастырь, при постриге могли сделать солидного размера вклад. Иногда то или другое лицо зачислялось в привилегированную категорию соборных старцев по специальной царской грамоте. Так, например, Александр Булатников, известный вкладчик в Соловецкую казну,¹⁹ келарь Троице-Сергиева монастыря и восприемник детей царя Михаила, получил такую грамоту, которой предписывалось игумену Маркелу «покоить» его и «советовать» с ним о монастырских делах. То, что Сергей стал соборным старцем уже в 1630-х гг., свидетельствует о его заслугах перед монастырем, а не о богатстве (достаточно вспомнить скромный вклад при постриге Семена Михайлова).

В 1643 г. в жизни Сергея Шелонина произошло какое-то важное событие. В этом году он намеревался вложить в Соловецкую библиотеку отредактированные им рукописные книги. На форзацах он поместил свои экслибрисы (см. рис. 5), так исследователи называют вкладные записи Сергея.²⁰ Это не совсем обычный способ оформления вклада, которому положил начало в XVI в. соловецкий игумен Досифей: каллиграфически выполненная владельческая запись помещена в нескольких concentрических кругах. Известно 5 книг с экслибрисами Сергея: Поучения аввы Дорофея с дополнительными статьями (ГИМ, Синод. собр., № 392), Патерик Иерусалимский (РНБ, Сол. 640/698), Патерик Синайский (РНБ, Сол. 642/700), «Небеса» (или «Богословие») Иоанна Дамаскина (РНБ, Сол. 310/330), Диалоги Григория Двоеслова (РНБ, Сол. 70/70). Содержание вкладной записи во всех рукописях одинаково: «Сия книга, глаголемая ... [название]..., Соловецкого монастыря казенная. Дачи старца Сергия, постриженника того ж(е) Соловецкого монастыря. А дал онъ и подписал своею рукою в лѣто 7151 (1643) году».

Возможно, что Сергей намеревался дать вкладом свои книги по причине предстоящего отъезда, так как известно, что в 1647 г. он был уже в Москве.²¹

На печатном Прологе XVII в. из Соловецкого монастыря читается запись:²² «Лета 7151-го (1643) июня в 30 день сия книга глаголемая Пролог полгода с Семена дни летопроводца да по

¹⁸ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927. С. 210.

¹⁹ Особенно известен в наше время вложенный Александром Булатниковым в Соловецкую книгохранительницу шедевр книгописного и миниатюрного древнерусского искусства — лицевое житие Зосимы и Савватия Соловецких (РНБ, Сол. 175/175). О других вкладах старца Александра см.: Скопин В. В., Щенникова Л. А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982. С. 48.

²⁰ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека. С. 328. Фотография экслибриса Сергея помещена в книге: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки... (рис. 24).

²¹ Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лестницы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 278—283.

²² Благодарю Николая Ивановича Николаева, который любезно указал мне на эту запись.

март месяц, а купил сию книгу Соловецкого монастыря старец Матфей на церковные домовые деньги священно Климента к церкви в дом; а купил сию книгу у соловецкого старца Сергия, у польского приказчика». ²³ Так как известно, что в 1643 г. Сергей Шелонин расставался со своим книжным собранием, то кажется убедительным отождествление его с польским ²⁴ приказчиком Сергием, продавшим Пролог. Но дело в том, что польский приказчик Сергей будет фигурировать в документах монастыря до 1645 г., ²⁵ т. е. в то время, когда книжник Сергей уже должен был быть в Москве. Тогда выходит, что либо Сергей Шелонин не был польским приказчиком, либо он так и не покинул Соловки в 1643 г. Здесь стоит учесть такой необъяснимый факт, что во Вкладной книге монастыря нет записи 1643 г. о книжных вкладах Сергия (как свидетельствуют записи в его экслибрисах)! Значит, книги так и не поступили в этом году в библиотеку. А если принять во внимание, что одна из рукописей с экслибрисом Сергия — Поучения аввы Дорофея — оказалась в Москве в Патриаршей библиотеке (ныне Синодальное собр. ГИМ), то напрашивается предположение, что он направился в Москву вместе с частью отредактированных им книг (поэтому они и не были вложены, как предполагалось, в монастырскую библиотеку).

Связь между Соловками и Москвой была постоянной: игумены и старцы регулярно выезжали в столицу по монастырским делам и «государевым грамотам»; все денежные расчеты во время поездок отражены в приходо-расходных книгах монастыря. Так, в 1642 г. некий старец Сергей вернулся в монастырь и сдал казначею неизрасходованные средства: «Взято у старца Сергея денег 16 рублей 2 алтына 4 деньги, что у него осталось за московским расходом». ²⁶ Можно найти сведения о поездках и в других документах. Например, на обороте подлинной грамоты царя Михаила Федоровича в Соловецкий монастырь есть запись: «144 (1636) года марта в 7 день государева грамота из Большого Дворца о игуменском брате о Корниле и об отпуске, привез старец Сергей». ²⁷ Но идентифицировать личности этих старцев пока не представляется возможным.

Вероятно, Сергей именно в 1643 г. и покинул Соловки: в приходо-расходной книге за этот год имеется запись со следующим сообщением: «Октября в 29 день отпушон к Москвѣ для

²³ Пролог, первая половина (сентябрь—февраль). М.: Печатный двор, 16.XII.1642 (БАН). Книга происходит из собрания М. И. Чуванова. Запись впервые приведена в кн.: Поздеева И. В., Троицкий А. Н. Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья: Каталог выставки. М., 1983. С. 71. № 53.

²⁴ Польский — от названия усолія: «Польское» или «Новопольское» (в Соловецком монастыре приказчиков называли по названиям усолій, на которых они работали).

²⁵ См., например, приходо-расходную книгу за 1645 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 243, л. 1—2).

²⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 43, л. 9 об.

²⁷ ОРПГФ ГИМЗ «МК». № 178.

монастырсково дѣла старецъ Сергій. Дано ему денегъ 50 рублевъ. Посланы деньги с слугою съ Ферапонтомъ Ивановымъ».²⁸ Конечно, невозможно категорично утверждать, что речь идет именно о Шелонине, однако связь между этими двумя фактами нельзя в дальнейшем оставлять без внимания.

Следующее известие о книжнике относится к 1647 г. В этом году вышла из печати на московском Печатном дворе Лествица Иоанна Синайского, которую отредактировал и подготовил к изданию Сергій Шелонин.²⁹ А. Н. Левичкин обнаружил во втором издании книги архиепископа Игнатия «Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой» публикацию записи Сергия на экземпляре Лествицы 1647 г., где излагаются обстоятельства поручения ему этой работы: «Лѣта 7155 [1647] Майя въ 15 день далъ сию Лѣствицу, книгу печатную, Великий Государь Святѣйший Патриархъ Иосифъ Московский и всея Руси Ипатскаго Монастыря Архим(андриту) Сергию вмѣсто полдестевые книги писменные Лѣствицы, что он взялъ у него, Сергия, его письма книгу Лѣствицу и отослалъ къ печати, и приказалъ ему изо всѣхъ книгъ выбирать только по достижению его разума. Елико мочно. И благослови его рукою крестомъ у себя на дворѣ в крестовой своей кельѣ. А Сергей поставленъ в то время и совершенъ въ Архимандриты в Ипацкой Монастырь: да тутъ же-де и ему Патриархъ говорил, что „книга-де и печатныхъ словъ много нѣтъ, язъ-де ее двжды прошоль, а ты ее пройди также гораздо со вниманиемъ и исправь, елико мощно“. И я, Сергей, по ево благословению и по приказу прочтохъ пятья книгу ту, и елико обрѣтохъ въ ней не гораздо противъ старыхъ лѣствичныхъ переводовъ, такъ исправихъ молитвами святыми его, елико ми Богъ поспѣшествовалъ».³⁰ Из этой записи следует, что Сергій готовил Лествицу к печати по личному заданию патриарха Иосифа и был, по мнению А. Н. Левичкина, в качестве вознаграждения за свой труд «совершенъ» в архимандриты Ипатьевского монастыря. Об этом назначении Сергій сообщает и в своем сочинении о Яренгскихъ чудотворцахъ: «...от апостольскаго намѣстника, иже кормила всеа Руси, церкви украшающаго святѣйшаго Иосифа патриарха, рукоположения архимандритомъ Живоначальные Троицы в Ыпатцкой монастырь на Кострому поставленъ быхъ» (РНБ, Сол. 969/1079, л. 156 об.).

Напрашивается предположение, что Сергій был вызван в Москву специально для книжной sprawy. Еще П. В. Знаменский предположил, что Сергій как ученый был известен в Москве:

²⁸ Приходо-расходная книга Соловецкого монастыря 1642—1643 гг. (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 43, л. 54).

²⁹ Николаев Н. И. Об источниках... С. 277—283; Левичкин А. Н. К истории русской лексикографии середины XVII в. (изменение типа азбучного тезауруса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. С. 7

³⁰ Игнатий, арх. Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. 2-е изд. СПб., 1847. С. 210. К сожалению, экземпляр Лествицы 1647 г. с этим уникальным свидетельством еще не выявлен.

«Видно, что он (Сергий. — О. С.) был уже хорошо известен в самой Москве и что его ценили там высоко».³¹ В XVII в. было принято вызывать авторитетных книжников из монастырей в столицу для исправления книг. «Для выбора справщиков потребованы были в 1641 г. из всех русских монастырей в Москву „старцы добрые и черные попы и дьяконы, житием воздержаны и крепкожительны и грамоте горазди“, которые должны были явиться в Приказ Большого дворца государеву боярину князю Алексею Михайловичу Львову, заведовавшему и Печатным двором».³² Кроме того, власти собирали и книги к Москве, которые предписывалось «объявить в Приказе Болшого дворца» тому же Львову.³³ Соловецкий монастырь был одним из центров, откуда вызывали книжных старцев. В 1636 г. государевой грамотой «для книжные справки» был вызван в Москву в Приказ Большого дворца соловецкий старец Гурий.³⁴ Он был вскоре назначен игуменом Богоявленского монастыря в Китай-городе, пробыл на этом посту недолго, вернулся в 1638 г. на Соловки, а в 1639 г. вновь вызван в Москву на ту же должность.³⁵ Судьба Гурия несколько напоминает жизненные перипетии Сергия.

Интересно, что Сергий не упоминается в документации московского Печатного двора. Как правило, справщики после отпечатки всего тиража издания получали по экземпляру, о чем говорят записи в расходных книгах. Благодаря этим записям исследователи устанавливают круг людей, причастных к изданию. В расходной книге Печатного двора за 1647 г. на л. 404 записано: «Генваря въ 14 день в деревяных хоромѣх в четыре стана почали печатот(ь) книги Иванны Лествешника».³⁶ Далее в книге зафиксированы все расчеты с «книжными чтецами», писцами, обрезчиками, причастными к изданию, но имя старца Сергия не встречается. Значит, он не числился в справщиках Печатного двора. Тогда возникают вопросы: где же Сергий получал жалование за свою работу над Лествицей, и если он не имел никакого отношения к Печатному двору, то почему именно он был выбран для работы над книгой Иоанна Синайского? На все эти вопросы можно ответить пока лишь гипотетично.

Период патриаршества Иосифа (1642—1652), при котором Сергий трудился в Москве, характеризуется прежде всего интенсивным и новаторским книгопечатанием на Руси. При нем было издано столько печатных книг, сколько не выходило ни при одном его предшественнике: всего 92 названия, многие из кото-

³¹ Знаменский П. В. Сергий Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // Православное обозрение. 1882. Февраль. С. 283.

³² Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6, т. 11. С. 323. Митр. Макарий цитирует грамоты 1640 и 1641 гг. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 296, 302).

³³ Там же.

³⁴ «Досифеева копейная» (РНБ, Сол. 18/1477, № 290).

³⁵ Там же, № 301, 311.

³⁶ РГАДА, ф. 1182 (ф. Печатного двора), оп. 1, № 41.

рых неоднократно издавались.³⁷ Поспешеством патриарха Иосифа впервые увидела свет целая серия сборников «уставных чтений»: Паренесис Ефрема Сирина (1647, 1652 гг.), Поучения аввы Дорофея (1652 г.), Лествица Иоанна Синайского с толкованиями (1647 г.), Сборник из 71 слова (1647 г.), Толковое Евангелие (Благовестник) Феофилакта Болгарского (1649 г.). С санкции патриарха началась публикация «сборников», предназначенных для полемики с неправославными: Сборника о почитании икон (1642 г.), Кирилловой книги (1644 г.) и Книги о вере (1648 г.). Основные черты церковной политики времени патриарха Иосифа неоднократно назывались исследователями:³⁸ усиление влияния киевской литературы и ученых киевлян; изменение отношения к греческому православию и признание авторитета греческой церкви,³⁹ осознание неисправности древних переводов русских церковных книг и принятие мер по их исправлению по греческим подлинникам с помощью ученых книжников; усовершенствование системы образования старого типа и первые попытки создания профессиональной школы, усиление внимания к религиозно-нравственной жизни народа и церковной дисциплине. В издания 1640-х гг. вносились статьи, способствовавшие осмыслению и усвоению простыми слоями населения церковных символов, пополнялась учебная литература, впервые стали издаваться отечественные учительные сочинения.

Но до сих пор исследователям не удается определить действительную роль и меру участия патриарха Иосифа в деле sprawy и издания книг, которое не совсем основательно связывается только с деятельностью справщиков Печатного двора. Их имена хорошо известны: Иоанн Шевелев Наседка, Шестак Мартемьянов, Захарий Афанасьев Подосенов, Михаил Рогов. Хотя основная заслуга, не без справедливости, приписывается именно им, они, однако, были только исполнителями.

Запись Сергия об обстоятельствах подготовки Лествицы, хоть и кратко, дает яркие и конкретные черты к портрету патриарха Иосифа. Как говорится в этой записи, прежде чем дать задание Сергию, патриарх сам «двожды прошоль» Лествицу. Т. е. глава церкви предварительно изучил текст избранного им памятника, а потом назначил книжника для подготовки его к изданию —

³⁷ Подсчет сделан А. А. Булычевым, Н. В. Поньрко по кн.: Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. М., 1986. С. 45—70 (см.: Булычев А. А., Поньрко Н. В. Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2: И—О. С. 99—105).

³⁸ Кантеев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. 2-е изд. Сергиев Посад, 1913; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 82—184; Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 212—294.

³⁹ Опарина Т. А. Влияние произведений украинско-белорусских полемистов конца XVI — начала XVII вв. на борьбу идей в России XVII в. («Кириллова книга» и «Книга о вере»): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993.

вряд ли это было случайным актом. Возможно, патриарх действовал по продуманному плану (судя по репертуару хорошо подготовленных изданий в его правление), по некоей программе, исходя из которой он избирал книгу для печати и назначал конкретного редактора. Очевидно (см. запись Сергия), инициатива исходила именно от Иосифа. Во всяком случае, подобные свидетельства современников в середине XVII в. (до начала книжной и церковной реформы Никона) о выборе книги к изданию волей конкретного лица, тем более патриарха, крайне редки.

Из этой же записи, а также из истории издания Лествицы следует, что круг лиц, разделявших взгляды Иосифа и участвовавших в подготовке изданий, был шире известного круга справщиков Печатного двора. Например, число книжников, вызываемых «к Москве» при Иосифе, было намного больше, чем известно по документам XVII в. лиц, непосредственно причастных к изданию книг в 1642—1652 гг. Что же делали остальные книжники в Москве? В связи с этими рассуждениями стоит привести некоторые факты биографии еще одного соловецкого старца, современника Сергия Шелонина — Ефрема Квашнина.

Изучая книжные вклады соловецкого старца Ефрема Квашнина, невозможно не заметить, что их наименования зачастую совпадают с книжными вкладами Сергия Шелонина. Их интересы, по-видимому, совпадали. И тому и другому принадлежали: Диалектика, Богословие Иоанна Дамаскина, книги Григория Селунского, Патерики, печатные книги, московские и киевские.⁴⁰ В Отводных книгах зачастую книги Сергия Шелонина и Ефрема Квашнина объединяли: «Да две Диолектики в полдесть: одна — дачи бывшего Ипацкого архимарита Сергия, другая — Ефрема Квашнина»,⁴¹ «2 книги Григория Селунскаго: одна — в десть, другая — в полдесть: Ефрѣма Квашнина да Сергѣя Шелоника».⁴² Старцы Сергей и Ефрем были, пожалуй, самыми щедрыми вкладчиками книг в XVII в. в Соловецком монастыре, кроме того, с их «тщания» переписывались для монастыря рукописи. Ефрем Квашнин в Соловецком монастыре в разные года был приказным старцем, келарем, московским строителем соловецкой службы (главой Соловецкого подворья в Москве) и даже претендовал на пост игумена.⁴³ В монастырской «Келейной росписи» сообщается о государевой грамоте, относящейся к этому старцу: «Михаил Федорович велел в ней (в келье. — О. С.) жити и теми

⁴⁰ Книги, принадлежавшие Ефрему Квашнину: РНБ, Сол. 311/331, Сол. 69/69, Сол. 89/89, Сол. 98/98, Сол. 319/339, Сол. 637/695, Сол. 1190/1300. По «Описанию рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии» (Казань, 1885. Т. 2. С. 162) Ефрему Квашнину принадлежал Патерик Египетский. В 1882 г. он был передан в Соловецкий м-рь, ныне в ОРПГФ ГИКМЗ «МК» (см. сноску 52 данной статьи).

⁴¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 468, л. 32 (1661 г.).

⁴² Там же, № 488, л. 8 (1666 г.).

⁴³ В 1639 г. Ефрем Квашнин привез из Москвы грамоту об отставке игумена Варфоломея и держал ее у себя (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 37, л. 3 об.), но игуменом так и не был назначен: «Казначео старцу Паисию быть игуменом соловецким, а Ефрему Квашнину не быть» (РНБ, Сол. 18/1477, № 315, № 323).

кельями владети ученику его, Васьянову, старцу Ефрему Квашнину и грамота о том 143 (1635) году».⁴⁴ Государевой грамотой в 1645 г. кельей Ефрема Квашнина приказано владеть Савватию Обрютину: «В нынешнем 153 (1645) году по грамоте Алексея Михайловича и приказу Большого дворца ею владети ученику ево старцу Саватию Обрютину <...> Старец Ефрем Квашнин той своей кельи всей ученику своему старцу Саватию поступился сам».⁴⁵ Конечно, подобные грамоты приходили только в исключительных случаях — когда дело касалось лиц, близких к государеву двору. Например, Савватий Обрютин был в миру государевым стряпчим.⁴⁶ И он, и старец Ефрем Квашнин делали ежегодные богатые вклады не только книгами, но и деньгами, недвижимостью, драгоценной церковной утварью.⁴⁷ Скорее всего, Квашнин был хорошо известен в Москве. В 1642 г. его вызвали туда государственной грамотой — об этом сообщается в приходо-расходной книге за 1642 г.: «Августа в 23 день отпущон к Москве по государственной грамоте старец Ефрем Квашнин. Дано ему по монастырскому приговору на дорогу денег 100 рублей».⁴⁸ Обращает на себя внимание сумма, выданная старцу на дорогу. Традиционная формула «на дорогу» не означала деньги на проезд, так как столько денег не понадобилось бы ни при каких обстоятельствах на путешествие до Москвы (слугам, например, выдавали рубль и даже меньше). Сумма зависела от степени важности дела или должности, из-за которых вызывались в Москву старцы. Сумму в 100—200 р. обычно выдавали, когда кто-нибудь из братии «ехал ставится на игуменство».⁴⁹ Ефрем Квашнин был вызван в Москву не для этого, но, вероятно, для дела такой же значимости. Самое примечательное заключается в том, что начиная с 1642 г. в приходо-расходных книгах монастыря появляются

⁴⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 455, л. 28—28 об. В «Келейной росписи» сообщалось о покупке, продаже монастырских келий.

⁴⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 455, л. 28—28 об.

⁴⁶ См. во Вкладной книге Соловецкого монастыря: «Государя царя и великого князя Алексея Михайловича стряпчий Сергей Савинов, сын Обрютин, дал вкладом двор свой, да постригаючися во иноцех дал...», его же вклады под 1644, 1658 гг., вклады Ефрема Квашнина под 1635, 1638, 1639, 1640, 1641, 1649 гг. (ОРПГФ ГИМЗ «МК», № 1403.)

⁴⁷ В хранилище Московского Кремля вместе со многими другими драгоценностями Соловецкой ризницы находится «шар подвесной от паникадила серебряный» — вклад Ефрема Квашнина в 1639 г. в Преображенский собор (ф. 20, оп. 1928, ед. хр. № 69).

⁴⁸ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 43; РНБ, Сол. 18/1477, № 293.

⁴⁹ «Октября в 8 день дано старцу Илье Пестрикову на расход денег 200 рублей приходо-расходная, поѣхал к Москвѣ Ионовъ город в игумены ставитца» (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 45, л. 44 об. (1644 г.)), «ноября в 17 день привез с Москвы старец Дионисия 100 рублей денег, что послал с ним Савинского монастыря архимандрит Никанор, как он поехал ставитца на архимандритство взял отसेле монастырских денег, и тех денег остались у него за росходом» (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 51 (1652 г.)). Судя по записям в приходно-расходных книгах, старцы Соловецкого монастыря часто избирались на игуменство и всегда им «на дорогу» выдавались большие суммы. По-видимому, деньги, выданные монастырем, играли роль «подъемных» для будущих игуменов, которые они впоследствии возвращали в казну.

записи, из которых следует, что Ефрему Квашнину отправлялись в Москву монастырские книги. В 1643 г. «февраля в 7 день Ефрему Квашнину продана книга в трех тетратех Иоанна Ексарха». ⁵⁰ В 1644 г. «июля в 18 день прислал с Москвы Ефрем Квашнин за книгу Григория Богослова денег 7 рублей». ⁵¹ Существует еще запись (без даты) на «Патерике египецком з Григорием Амиритским», которая сообщает, что книга «продона ис казны старцу Ефрему». ⁵²

Закономерно возникает предположение, что Ефрем Квашнин занимался в Москве какими-то книжными разысканиями и для этого запрашивал хорошо известные ему рукописи. В Москве его назначили строителем Спасо-Ярославского монастыря (этим и объясняется сумма, выданная на проезд), но он недолго пробыл на этой должности и вернулся в 1649 г. на Соловки по неизвестным причинам в качестве арестанта. ⁵³ В 1655 г. его уже вновь затребовали в Москву патриаршей грамотой. ⁵⁴ Никаких, однако, сведений о деятельности в столице этого книжника пока исследователями не обнаружено, так же как долгие годы не было ничего известно и о работе Сергия в Москве над Лествицей. Не означает ли это, что еще не выявлены и не введены в научный оборот документы, относящиеся к деятельности книжных старцев по составлению и подготовке рукописей для изданий в период патриаршества Иосифа? Возможно, ученых еще ждут находки в бумагах приказа Большого дворца (Патриарший приказ), заведовавшего и монастырскими делами и, отчасти, — издательскими, книжными. Этот приказ постоянно упоминается в грамотах, направляемых из Москвы в Соловецкий монастырь. ⁵⁵

Приказом Большого дворца и Печатным двором руководил один человек — государев боярин, князь Алексей Михайлович Львов. Это был влиятельный человек, пользовавшийся доверием и царя Михаила Федоровича, и царя Алексея Михайловича. Его имя постоянно встречается на страницах расходных книг Печат-

⁵⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 43.

⁵¹ Там же, № 45, л. 13 об.

⁵² ОРПГФ ГИКМЗ «МК», № 47887, л. 1. На внутренней стороне внешней крышки переплета находится ярлык Казанской Духовной Академии: «Из Соловецкого монастыря № 639». Совершенно очевидно, что это тот самый Патерик, который был в составе других рукописей возвращен в монастырь (см. сноску 40 данной статьи). Описание Патерики находится в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря... Т. 2. С. 162. Номер рукописи в Описании — 639.

⁵³ «Грамота игумену Илье о присылкѣ въ монастырь бывшаго Спасо-Ярославскаго строителя Ефрема Квашнина о содержании его под караулом в черных трудах неисходно» (РНБ, Сол. 19/1478, № 33).

⁵⁴ «163 (1655) году март 7 день отпущон к Москве по патриаршеской грамоте старец Ефрем Квашнин» (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 51, л. 256 об.).

⁵⁵ Тесная связь Соловков с приказом Большого дворца объясняется следующим: «В 1632 г. царь Михаил Федорович предоставил монастырю право по исковым и прочим делам относиться помимо всех низших присутственных мест прямо в Приказ Большого Дворца, а о нуждах монастыря указал ходатайствовать строителям Московского соловецкого подворья» (*Мелетий*, арх. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 19).

ного двора: «по государеву указу <...> боярин и дворецкий князь» Львов приказывал выдавать два раза в год государево жалованье трудившимся на Печатном дворе. Соловецкие монахи, вызываемые в Москву по самым разным делам, в том числе и книжным, обязаны были явиться в Приказ Большого дворца к Львову. Соловецкий «книжный» старец Гурий (см. выше) в 1636 г. тоже должен был «явиться <...> боярину <...> князю Алексею Михайловичу Львову». К сожалению, в «Русском биографическом словаре» нет сообщений об этой стороне деятельности Львова.⁵⁶ Итак, когда бы Сергей ни был затребован в Москву и независимо от цели приезда, он должен был встретиться в Москве с князем Львовым. Обратим внимание, что в самом значительном сочинении Сергея — «Слове на пренесение мощей митрополита Филиппа в 1646 г.» упоминается «государев боярин князь Львов». В последней части «Слова» Сергей излагает предысторию перенесения мощей митрополита Филиппа II из-под паперти в Преображенский собор в 1646 г. и приписывает заслугу в осуществлении этого важного церковного акта игумену соловецкому Илие и патриарху Иосифу. Выслушав игумена, глава церкви произносит перед царем речь о сиротстве церкви без Филиппа, после которой «покорися убо сим наказанием царь».⁵⁷ Далее в «Слове» говорится, что Алексей Михайлович «призывает своего царьского дому строителя и боярина князя Алексѣя Михайловича Львова, повелѣвая ему послати в Соловецкую обитель свое царское послание, да перенесут мощи Филиппа митрополита в созданную от него церковь Преображения Господня. И абие цареву слово вскорѣ дѣло бысть: вручается архимандриту послание царское...».⁵⁸ Такие точные подробности выдают Сергея как знатока делопроизводства при царском дворе: действительно, князь Львов руководил составлением государевых грамот и успешно вел делопроизводство в двух приказах. Возможно, что автору «Слова» было необходимо упомянуть своего покровителя, каким мог быть Львов, являвшийся единомышленником патриарха Иосифа в издательском деле. Во всяком случае, эта деталь никак не оправдана ни с точки зрения повествования, ни стилистически. Скорее даже, читатель «спотыкается» об нее — настолько она чужеродна для этого сочинения.

Об обстоятельствах назначения Сергея архимандритом Ипатьевского монастыря в 1647 г. ничего неизвестно: ко времени издания Лествицы он уже был в этом сане. Возможно, Шелонин был награжден таким образом за свои книжные штудии, которыми занимался еще на Соловках и о которых действительно могли знать в Москве. Ипатьевский Костромской монастырь в XVII в. являлся одним из самых престижных. Именно здесь, в

⁵⁶ РБС. СПб., 1914. Т. 10. С. 761—764.

⁵⁷ Древлехранилище Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292, л. 324 об.—325; РНБ, Сол. 939/1049, л. 120 об.

⁵⁸ Древлехранилище Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292, л. 324 об.

Троицком храме, в 1613 г. «уговаривали» Михаила Романова венчаться на царство. Должность архимандрита этого ставропигиального монастыря была, по-видимому, наградной, ее получали за особые заслуги и ненадолго. В должности архимандрита Сергей пробыл два или три года. П. М. Строев указал следующие даты пребывания Сергея в Ипатьевском монастыре: 1646—1649 гг.,⁵⁹ однако их не удастся пока документально подтвердить. При архимандрите Сергии был отлит колокол в 600 пудов со следующей надписью: «Лета 7156 [1647] мѣсяца сѣнтября въ 20 день, при державѣ царствия Российскаго благовѣрнаго Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси Самодержца, и по его Царскому Указу и по грамотѣ, в домъ Живоначальной Троицы в Ыпатской монастырь Апостола Филиппа и Чудотворца Ипатия по приказу стольника Алексѣя Микитича Годунова, да дядя ево бояринъ Василей Иванович Стрѣшневъ продалъ племянника своево Олексѣву вотчину село Семеновское въ дом Живоначальные Троицы по немъ, Олексѣе, и по ево отцѣ и по матери и по родителех и в вѣковечную поминку при Архимандритѣ Серги(и) з братьею, а за тое ево вотчину монастырскаго казною слить си колоколь в X пудъ, а колоколь вылилъ по Государеву Указу колокольной Государевъ мастер Данило Матфѣев».⁶⁰

Невозможно с уверенностью сказать, в каком году Сергей был отозван — в 1648 или 1649 г., но его отъезд можно гипотетично связать со следующим событием. 29 января 1649 г. взорвался запас пороха, хранившийся в подвалах Троицкого храма.⁶¹ В результате взрыва это столь дорогое для династии Романовых место было разрушено. Возможно, именно это послужило причиной возвращения Сергея на Соловки.

Итак, при обилии белых пятен в биографии книжника Сергея мы все-таки знаем, что он приблизительно в 1643 г. уехал в Москву, скорее всего по специальному вызову, и, возможно, был связан там с Ефремом Квашниным. Неизвестно, где Сергей получал жалованье, но он определенно был близок к патриаршему двору и к князю А. М. Львову. Такой книжник, как Сергей или Ефрем Квашнин, мог при необходимости запрашивать книги из своего монастыря, возможно, мог получить «вознаграждение» за книжную справу в виде сана архимандрита, мог быть близок к высшим государственным чиновникам и даже быть осведомленным в некоторой степени о порядке ведения государственных дел.

Неизвестно, в каком точно году Сергей вернулся на Соловки. Но некоторые сведения можно почерпнуть в хозяйственных книгах монастыря. В «Келейной росписи» есть запись, которую можно приблизительно датировать 1650 г. (по почерку, которым

⁵⁹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 853.

⁶⁰ Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832. С. 18—19.

⁶¹ Островский П. Историко-статистическое описание Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 112.

написаны расчеты в этой же книге за 1650 г.): «Келья деревянная, другая задняя, деревянная же, а в них Божия милосердия образов: образ Пречистые Богородицы Пяница с Превечным младенцем на красках. Да образ чудотворцы Зосимы и Саватая. Полкельи продана старцу Сергию Москвитину — в кельи место большое да другое мѣсто на задней лавки, в сѣнях, мѣсто против образов. Другое — у задних двѣрей. Да в задних сѣнях чулон холодной на правой руки. Другой чулон — вверху, на передних сѣнях. Да в задней кельи болшое мѣсто на лавки, другое — против печи у двѣрей. Денег взято 5 рублей».⁶² Сергей с прозвищем «Москвитин» больше ни разу не упоминается в соловецких документах. При описании вклада Сергия в 1619 г. (см. выше) «москвитин» употребляется для обозначения происхождения бывшего подьячего Семена Михайлова, также на книге с экслибри-сом Сергия есть библиотечная запись «дачи старца Сергия Москвитина» (Беседы Григория Двоеслова, РНБ, Сол. 70/70). Вполне естественно, что Сергия называли «Москвитином» после приезда из Москвы (а также зная его московское происхождение?), также закономерно, что ему пришлось вновь обустроиваться, например приобретать келью.⁶³

В записях 1650-х—начала 1660-х гг. вклады Сергия в Отводных книгах книжной казны и Вкладной книге Соловецкого монастыря описаны как вклады «священноархимандрита», «Ипацково архимандрита», «бывшаго архимандрита Ипацкого» Сергия (РНБ, Сол. 634/692, Сол. 9/1468, Сол. 100/100, Сол. 795/905, Сол. 610/629, Сол. 312/332).

Сам же Сергей некоторое время после Москвы подписывает-ся «чернец Сергей». Подпись «чернец» находится на обороте верхней крышки переплета Азбуковника Сергия: «Сию книгу Алфавит Соловецкого монастыря чернец Сергей поступил за труды заонѣженину Гаврилу Лвову, чтоб мнѣ написал такову же книгу, а подписал чернец Сергей своею рукою лѣта 7161 (1653) году мая в 24 де(нь)».⁶⁴ Еще один случай подписи некоего «чернеца Сергея» удалось обнаружить на обороте жалованной несудимой грамоты благодаря картотеке сотрудницы ОРПГФ ГИКМЗ «МК» Т. А. Тутовой. Это грамота царя Василия Шуйского, подтвержденная в 1613 г. царем Михаилом Федоровичем и в 1646 г. — царем Алексеем Михайловичем. Она заверена под-

⁶² РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 445, л. 11 об.—12.

⁶³ «Внешний вид большинства келий отличался скромностью... За толстыми, покоящимися на солидных валунных цоколях стенами находилось небольшое сводчатое помещение, в котором, как правило, проживало четыре человека. В углу стояла отопливаемая из сеней печь, за продолговатыми передними сенями располагались небольшие пристройки, использовавшиеся под чуланы и дровяники. В окна были вставлены слюденые оконницы и ставни. Всего в монастыре того времени насчитывалось пятьдесят шесть келий» (Скотин В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 71). О внутреннем виде и планировке келий см.: Скотин В. В., Щенникова Л. А. Архитектурно-художественный ансамбль... С. 66.

⁶⁴ РГБ, собр. Тихонравова, № 338; запись опубликована: Левичкин А. Н. Лексикографические труды Сергия Шелонина // Русский язык конца XVII—начала XIX в.: Сб. статей. СПб., 1999. С. 49.

хранительные казны никому не продавать и не давать, держать в береженьи».⁶⁵ После этой записи в Отводной книге книгохранительной казны следует «роспись книгам» Сергия. Это уникальный в своем роде факт столь почтительного отношения к рукописям книжника-современника, свидетельствующий об особом положении Шелонина в монастыре.

С XIX в. дата смерти Сергия определяется по приписке на книге Григория Паламы и Нила Кавасилы Солунских (РНБ, Сол. 87/87, на внутренней стороне нижней крышки переплета): «Книга сия с(вя)тая и богословная святого Григория архиеп(иско)па Селунскаго на латинъ: шесть тетратей и мало к симъ, писаны во 171-м (1663) году тщанием преп(о)д(об)наго Сергия, священноинока и архимандрита Ипатскаго, съ ево же тщания и дачи большия книги оуставного писма для переводу и времени. А больше Сергию за скорбию, в нейже и смерть постиже, писать не лучилось. Навершение же книга сия с(вя)тая приять рукою москвитина из обтеки Федора, Васильева сына, Семизора, в лѣто 7176-е (1668), егда Соловецкой м(онас)т(ы)рь почаль быть въ запорѣ. А переплеталъ Макарей, Силвестров сын, Тихвинецъ 178-го (1670) году. А отворился Соловецкой м(онас)т(ы)рь во 184-м (1676) году». Казалось бы, что из этой приписки следует, что Сергей умер либо в 1663 г., либо в следующем. Однако мы хотим подчеркнуть, что эта запись была сделана после восстания, много лет спустя после смерти Сергия, и абсолютно доверять ей нельзя. Так, в ней сказано, что рукопись писана «тщанием» Сергия. Всеми исследователями это выражение было понято буквально: рукопись написана старцем Сергием, хотя «тщание» можно перевести как «радение, старание», т. е. «по инициативе». Так, М. В. Кукушкина поместила фотографию почерка, который встречается в первой части данной рукописи, как образец почерка Сергия. Но этот почерк не может принадлежать Сергию, так как известен по многим другим соловецким рукописям (не имеющим отношения к старцу Сергию) и существенно отличается от образца почерка книжника, например, в собственноручно подписанных им экслибрисах. В записи сказано, что «больше Сергию за скорбию, в нейже и смерть постиже, писать не лучилось». Это значит, что Сергей заболел и не смог продолжать работу. Но какую — по переписке именно этой рукописи или вообще свою книжную работу — неясно. Кроме того, надо учитывать, что запись мог сделать человек, лично не знавший Сергия. Очевидно, что Сергей умер в результате болезни (скорби), но как скоро после начала переписки рукописи (1663 г.), из этой записи определить невозможно.

Необходимые уточнения дает уже упоминавшийся вечный Синодик Соловецкого монастыря. Его текст, содержащий в хронологической последовательности имена усопших иноков, написан полууставом. Над многими именами имеются пометы киноварью,

⁶⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 256, л. 39 об.

позволяющие различать упоминаемых лиц. Примечательно, что почти все известные в Соловецком монастыре старцы Сергии — ровесники Шелонина — почил один за другим в небольшой период времени. В 171 (1662/63) г. скончался инок Сергей, поверх имени которого находится помета «Лихачев».⁶⁶ В 172 (1663/64) г. — другой инок Сергей, над его именем надписано: «соборной братуха», что, вероятно, следует понимать как соборный старец Сергей Братуха.⁶⁷ Под 173 (1664/65) г. находится запись о смерти «священноинока Сергия», помета над ней, сделанная суриком, смыта.⁶⁸ Совсем рядом — запись также 173 г. о смерти «инока Сергия»-«головщика». В ближайшие годы имена старцев Сергиев в Синодике не упоминаются (вплоть до 184 (1675/76) г.). Что же касается записи о смерти «священноинока» Сергия под 1665 г., то за период 1663—1676 гг. это единственный случай смерти *священноинока* Сергия, а мы знаем, что Сергей (Шелонин) был священноиноком (он сам называет себя в Сказании о Яренгских чудотворцах «священноиеромонахом»), поэтому возможно предположить, что запись относится именно к нему. Прочтение стертой записи при увеличении в 4 раза (при помощи лупы) подтвердило наши предположения. Над словами «священноинока Сергия» было стерто слово «Шелонинъ». Для подтверждения нашего визуального прочтения стертой (или смытой) записи была проведена научно-техническая экспертиза в Кодикологической лаборатории РНБ. В результате было прочитано то же самое слово — «Шелонинъ» (см. рис. 7).⁶⁹

Итак, Сергей скончался предположительно в период с конца 1664 по сентябрь 1665 г. Но эту дату можно уточнить. Мы приводили выше запись из «Келейной росписи» о продаже Сергию Москвитину полкельи. У этой записи есть продолжение: «173 (1664) году декабря то первое место да третее место продано соборному старцу Марку, взято 5 рублей». Подразумевается, что проданы те самые места, которые были «рописаны» при покупке их Сергием; совпадает и сумма, заплаченная Сергием, а затем — Марком (5 р.). Как правило, места продавались в связи со смертью или отъездом их владельцев, значит, Сергия Москвитина уже не было в декабре 1664 г. Учитывая запись в Синодике, мы можем с большим основанием считать дату смерти книжника Сергия — конец 1664 г. — установленной. Обратим внимание, что это единственный известный на сегодняшний день случай упоминания прозвища (или фамилии) «Шелонин» в источнике документального характера.

Итак, Сергей умер за два года до Соловецкого восстания. Документальных сведений о причастности Сергия к деятельности антиправительственной оппозиции нет. Ни разу старец Сергей не

⁶⁶ ГМИР, кол. 3, оп. 1, д. 392, л. 13 об.

⁶⁷ Там же, л. 14.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Сердечно благодарю моих коллег Д. О. Цыпкина и М. А. Шибасева, осуществивших эту экспертизу.

дений и более того — одним из первых заложил традицию полемики с реформой на основательном «книжном» уровне с привлечением сочинений по догматическим и обрядовым вопросам. Возможно, преклонные лета не позволили Сергию занять активную позицию в конце 1650-х—начале 1660-х гг., или же он был в стане умеренных, не принимал участия в открытых возмущениях, а поэтому и не упоминается в соловецких документах этого периода. В любом случае, Сергей был не на стороне реформаторов и создавал платформу для мирного диспута.

Как видно из изложенного материала, многое в биографии выдающегося книжника остается неясным. Загадочным является даже прозвище Сергия, которое появляется на книгах только после его смерти. Сам он им не подписывался, в монастырских документах, созданных при его жизни в монастыре, такое прозвище не встречается. Не говорит ли это о том, что «Шелонин»/«Шелоник» была его фамилия или прозвище, данное всему роду? При постриге инок как бы отрекается от своей фамилии, принадлежности к роду. В монастырях не принято было употреблять мирскую фамилию (если она, конечно, была), но ее, как правило, знали. В своем сочинении о митрополите Филиппе Сергей подробно излагает, как молодой инок Филипп скрывал свою фамилию и как она совершенно случайно стала известна в монастыре. Конечно, это в большей степени художественный прием, однако, как и основной литературный прием эпохи — подражание, внешнее подражание в быту также могло иметь место. Фамилию или родовое прозвище Сергия могли знать, но при его жизни не употреблять, после же смерти начать использовать для атрибуции его рукописей. О Шелониных известно следующее. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского приведены такие сведения без ссылки на источник: «Шелоня Иванович Булгаков, дьяк 1548 г., Тверь; от него Шелонины».⁷¹ В дворянском роде Булгаковых была довольно многочисленная московская ветвь. Среди ее представителей, в частности, упоминается боярский сын Богдан Шелонич Булгаков, которому в 1550 г. были пожалованы поместья в Московском уезде.⁷² Если исследователям когда-нибудь удастся найти сведения, подтверждающие родство Сергия Шелонина с Булгаковыми, то это будет свидетельствовать о его мощных родственных связях в среде московского дворянства.

⁷¹ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 364.

⁷² Булгаковы // РБС. СПб., 1908. Т. 3. С. 474—475.